

Часть первая. «34-й год»

«Я дал им бога. Настоящего. Которого можно потрогать». —
академик Л. Городецкий

Глава 1. Январь

Очередь начиналась у заколоченного кинотеатра «Прогресс», извивалась змеей вдоль улицы и пропадала за углом, у бывшего детского сада. Те, кто стоял в хвосте, головы этой змеи уже не видели. Те, кто стоял в начале, давно перестали оборачиваться.

Над очередью висели три дрона. Они не охраняли. Они считали. Каждые сорок секунд один опускался ниже, проводил камерой по лицам и снова уходил вверх. Это называлось «обеспечение порядка распределения». Раньше, до восемнадцатого года, людей считали люди. Теперь эту работу, как и почти всякую другую, взяли на себя машины.

Маша Серова стояла шестьсот двенадцатой. Знала точно: считала с той минуты, как встала в хвост, ещё затемно. Сейчас было десять, солнце наконец перевалило через крышу панельной девятиэтажки напротив, но теплее не стало. Маше было тридцать четыре. Со вчерашнего обеда она ничего не ела.

— Слыхали, новый закон? — сказал кто-то впереди. Старуха в платке, лица не разобрать. — Возьмёшь больше двух буханок — пятнадцать суток.

— Так и было, — отозвался мужской голос сбоку.

— Не было. Раньше десять.

Мужчина спорить не стал. Сказал только, что когда-то за это брали штраф и что он этот штраф ещё застал и платил. Старуха промолчала. Очередь не любила тех, кто помнит, как было раньше.

Маша молчала тоже. Молчать она научилась давно. Молчишь — тебя не замечают; не замечают — не запоминают; а кого не запомнили, тот живёт дольше. Этому в школе не учили, но это знал всякий, кто дожил до её лет. Правда, с машинами оно уже не спасало: на утренней ободряющей речи вождя камера ловила каждый жест, каждую трещинку на лице.

Очередь двинулась на полшага. Маша двинулась с ней.

Лев Городецкий ехал по Тверской на чёрной «Чайке», мимо этой очереди и ещё двух таких же. Сидел сзади справа, смотрел в окно. Стекло было тонированное: снаружи его не видели, изнутри он видел всё.

Шофёр, молодой, в форме без знаков отличия, молчал. Хороший был шофёр. Его прикрепили к академику три года назад, и за три года он не сказал ни одного лишнего слова. Это качество Городецкий ценил выше прочих. Хороший шофёр — это шофёр, которого как будто нет.

У «Прогресса» он прикинул очередь на глаз. Человек семьсот. Цифра вышла, наверное, точная: оценивать обстановку быстро и без ошибки он умел всегда и тихо этим гордился.

Машина свернула на Бульварное, и очереди кончились. В центре их не было. Москва две тысячи тридцать четвёртого года в центре города выглядела почти как в восьмом: те же кафе, витрины, чистые тротуары. Только людей меньше. И те, что были, шли быстро, не глядя по сторонам, будто опаздывали.

— Лев Аркадьевич, — сказал шофёр. Первые его слова за полчаса. — Вам звонок.

Городецкий взял трубку. Внутренний канал, защищённый. По нему звонили трое.

— Слушаю.

— Лебедев. Объект готов. Можно начинать в любое время.

— В двенадцать.

Трубку он положил и снова повернулся к окну. «Чайка» шла мимо памятника Гоголю. Снег у постамента никто не убирал — дворников в городе не было уже шесть лет, — и Гоголь стоял в сугробе по колено, как пьяница, которого не довели до дома.

Через два часа у него будет первый человек. Не крыса с электродами, не математическая модель, не симулятор. Человек. Через два часа он станет богом.

Мысль не принесла ничего. Ни радости, ни тяжести. Радость Городецкий перестал чувствовать одиннадцать лет назад, когда хоронил Раю. После Раи остались цифры, и цифры были честнее людей. Цифры никогда не врут.

Свою буханку Маша получила в одиннадцать сорок. Хлеб был тёплый, чуть влажный: значит, завезли только что, значит, к завтрашнему утру его не останется. Завтра она опять встанет в четыре и опять будет надеяться, что достанется хотя бы половина — пусть промёрзшая, пусть твёрдая.

Она сунула буханку под пальто, прижала к рёбрам и пошла домой. Двадцать минут ходьбы, если идти быстро. Маша шла медленно. Быстро не выходило: от голода кружилась голова, и весь путь её преследовала одна мысль — отломить кусок прямо сейчас. На улице нельзя. На улице за это могут и убить.

На углу, у остановки, сидел мальчик. Лет восьми, без шапки. Маша остановилась — и сразу поняла, что зря. Останавливаться было нельзя.

Мальчик поднял на неё глаза. В глазах не было ничего: ни просьбы, ни страха, ни надежды. Ровная, спокойная пустота — такая редко бывает у ребёнка, у которого глаза должны быть полны выдумок. Этот уже всё про себя понял.

Маша достала буханку, разломила и протянула ему половину.

— Спасибо, — сказал мальчик.

Она пошла дальше. До дома пятнадцать минут. Знала, что половины не хватит до завтра. Знала, что в четыре утра снова встанет в очередь. Знала, что мальчик свою половину доест ещё до темноты. Всё она знала. Но если перестать делить хлеб с мальчишками без шапок, то непонятно, ради чего вообще стоять в очереди и зачем дальше жить.

В двенадцать ноль три Лев Городецкий вошёл в Институт номер семнадцать.

Полностью институт назывался «Научно-исследовательский институт прикладной нейроинформатики имени Бехтерева» и стоял в двенадцати километрах от центра, в закрытом посёлке Чкаловский. Посёлок закрыли для въезда ещё в сорок восьмом году прошлого века — тогда тут делали ракеты. Теперь профиль был другой.

Городецкий прошёл четыре поста. На каждом его узнавали и на каждом всё равно проверяли по полной. Так и надо, считал он. Протокол — это то, что отделяло их от хаоса снаружи.

В подвале корпуса «Б» его ждал Лебедев: заместитель, инженер, человек средних лет, на лице которого не задерживался взгляд. Городецкий знал его двадцать два года и до сих пор не смог бы описать это лицо по памяти.

— Где он?

— Блок три. Готов. — Лебедев протянул папку.

Внутри лежал один лист. Аркадий Степанович Воронин, родился девятнадцатого мая две тысячи второго года, осуждён за умышленное убийство двух лиц, статья сто пятая, часть вторая. Высшая мера. Исполнение отложено в связи с прикомандированием к программе «Архив».

«Архив» — так это называли в бумагах. Имя досталось по наследству от помещения; придумывать что-нибудь погромче никому в голову не пришло. Слово и так хорошо описывало то, чем они занимались: складывали людей на хранение.

— Сколько ему?

— Тридцать два.

— Кого именно убил?

Лебедев пожал плечами.

— Какая разница?

Городецкий поднял на него глаза. Лебедев взгляда не отвёл, но и не выдержал — посмотрел чуть в сторону, за плечо.

— Разница есть. Когда-нибудь, через много лет, кто-нибудь спросит: а кто был первый? И я должен буду знать ответ.

— Жenu и её любовника. Застал вместе, зарубил топором. Не отпирался, во всём сознался.

Городецкий кивнул. Для приговора это значения не имело. Для него — имело.

* * *

Блок три был длинной комнатой без окон, с белыми стенами и потолком из матовых квадратных панелей. В центре стояла капсула, похожая на старый томограф, только крупнее и в проводах. Кабелей шли десятки; они уходили в стены, в пол, в технические люки.

В капсуле лежал человек.

Городецкий подошёл, посмотрел сверху. Воронин был худой: за два месяца изолятора потерял килограммов пятнадцать. Лицо обычное. Не

злое, не доброе. Лицо человека, который смотрит в потолок и думает о своём.

— Аркадий Степанович. Вам объяснили, что будет?

— Объяснили. — Воронин не повернул головы.

— Вопросы есть?

Воронин подумал и спросил одно: будет ли больно. Городецкий помолчал. После крыс, после собак, после четверых человек с частичным переносом он привык, что спрашивают всегда об этом. Не «что я там увижу». Не «останусь ли я собой». Только про боль. Что-то важное про людей в этом было, но он пока не понимал что.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Думаю, нет.

— Тогда давайте.

Это первая глава романа «Под нами нет Ада». Продолжение — на Литрес:

<https://www.litres.ru/74122207/>